

на такую возможность, не посвящая вопросу целой главы, институализирующей проблему и бросающей прямой вызов Алексею Иванову.

Есть в книге и досадные опечатки и ошибки, языковые и фактические, свидетельствующие не только о торопливости редакторской правки, но и о недосмотре корректора. На с. 53 упоминается трагически погибший одноклассник А.М. Родионова по ТПУ Гена Кузнецов, а на первой фотовкладке, в подписи к фото, он указан как Гена Иванов. На с. 146 автор обращается к рецензии на «Чистодеревщиков» «известного на Алтае журналиста Владимира Явинского». Но на Алтае известен Вадим Яковлевич Явинский (1931–2012) — тележурналист, многолетний корреспондент «Советской культуры», кстати, автор «знаменитой» статьи «А времена меняются», содержащей критику шукшинского фильма «Печки-лавочки» (Явинский В. А времена меняются... // Алтайская правда. — 1973. — 15 апреля). Почему-то несколько раз автор говорит о «Книге красных ремесел» (!) А.М. Родионова (с. 151, 254 и др.), окказионально и неожиданно философски звучит «в августе грянул делофт» (с. 349), крайне досадно встретить на с. 303 «власть предрержащим» (в русском языке есть фразеологизмы «власть имущие» и «власти предрержащие»)… Но это — как раз те мелкие недочеты, которые могут быть легко устранены при последующем переиздании. Приводим их лишь для облегчения автору работы по улучшению текста в будущем. Нет смысла подробно останавливаться на них, так как книга в целом получилась.

Не будет преувеличением, если назовем книгу «Александр Родионов» одной из главных в серии «АСЭ». Рекомендуем ее всем, кому дорога память об известном писателе, историке русских ремесел, общественном деятеле Алтая А.М. Родионове, всем, кто интересуется историей и культурой нашего региона.

Дмитрий Марьин

Кладова В. П.,
Скубневский В. А.

**ВАСИЛИЙ ШТИЛЬКЕ:
ГРАЖДАНСКИЙ
ПОДВИГ**

Барнаул,
2020

Еще одна книга 2020 года в серии «Алтай. Судьба. Эпоха» посвящена Василию Константиновичу Штильке (1850–1908) — известному общественному деятелю, публицисту, много сделавшему для развития Барнаула второй половины XIX — начала XX века. Напомню, что АКУНБ имени В.Я. Шишкова, название одной из улиц города в честь А.С. Пушкина, здания народных школ — Нагорной и Зайчанской, которые существуют и поныне, здание краевой филармонии (ранее — Народный дом) — это все прямое наследие и осязаемые результаты труда и забот, настоящего Гражданина, не пожалевшего сил для блага нашего города и являющегося одним из лучших примеров в истории России бескорыстного служения народу.

Интересно, что перед читателем первая книга в серии, написанная дуэтом. Дуэт, отметим, совершенно равноправен по составу. Оба автора — хорошо известные, признанные знатоки истории Барнаула, краеведы, не нуждающиеся в особом представлении. Имена заранее гарантируют достойный уровень подготовки издания.

Новая книга относится к числу не «пионерских» в серии. В 1999 году вышла работа В.Ф. Гришаева «Барнаульский печальник. Документальная повесть о В.К. Штильке», которая и взята за основу (на что указывают сами авторы в предисловии). Однако В.П. Кладова и В.А. Скубневский в своей книге значительно расширили биографический материал о Штильке касательно его деятельности в качестве публициста, гласного Барнаульской городской Думы и депутата Государственной Думы.

Есть и еще одно отличие нового тома серии от остальных. Авторами избран не хронологический принцип жизнеописания, а тематический. Собственно, curriculum vitae В.К. Штильке уместился целиком (15 страниц текста) во второй главе работы. Что делать: биографические данные о нем скудны и вряд ли в будущем расширятся. Укажем, впрочем, здесь на одну несуразность: дата рождения, как и принято, указана в начале главы, а вот дата смерти в ее финале отсутствует. Она как-то между делом всплывает только в шестой главе (с. 259), и то в контексте оценки продолжительности работы Штильке в качестве депутата Госдумы. Главы 3–6 посвящены отдельным сферам общественной деятельности В.К. Штильке: создание и фактическое руководство Обществом попечения о начальном образовании, публицистическая деятельность, работа в качестве гласного Барнаульской городской думы, а затем и депутата Государственной Думы. Каждая из глав, по сути, — отдельное самостоятельное исследование, которое завершается списком литературы по теме. Но поскольку

все эти аспекты имеют прямое отношение к жизни В. К. Штильке, то вписались они в композицию книги вполне гармонично.

К месту и краткий очерк о Барнауле, помещенный в первую главу. Конечно, для историка, краеведа он вряд ли даст что-то новое. Но, во-первых, тут дело в авторстве. Очерк за подписью профессора АлтГУ, доктора исторических наук Валерия Анатольевича Скубневского — это эталон исторической справки о Барнауле, притом с верифицированными датами, что делает его полезным и необходимым источником для исследовательских работ разного уровня, от школьной до научной, по историческому краеведению. Во-вторых, для читателей из других регионов, а серия «АСЭ» предполагает книжную и культурную экспансию вовне, сведения о Барнауле XIX — начала XX века будут весьма кстати и дадут необходимое представление о социальной и культурной среде и состоянии города, где так активно прошла жизнь и деятельность героя книги.

Энциклопедическую завершенность книге придают и обширный список трудов В. К. Штильке, и приложение, включающее тексты документов, газетных заметок, принадлежащих перу Василия Константиновича или имеющих к нему прямое отношение.

Книга получилась и в языковом, и в полиграфическом отношении строгой, информативной, политкорректной и по-своему изящной, как мундир чиновника Алтайского горного округа, цвет которого напоминает обложка, в которую одета книга.

Очередной том серии «АСЭ» станет хорошим источником информации для студентов, школьников и всех, кто интересуется историей Барнаула и Сибири XIX — начала XX века.

Дмитрий Марьин

Владимир Пасека

**НОЧНЫЕ ДОЖДИ.
Стихотворения
разных лет**

Барнаул,
2021

Стихотворения автора отмечены сильным влиянием Александра Блока, Сергея Есенина, Николая Клюева. Они представляют собой амальгаму индивидуальных стилей. Если бы их оценивал задиристый литературовед, он наверняка бы назвал свою статью «Во власти чужой интонации» или еще проще: «С чужого голоса». Иногда поэт воспроизводит привычные риторические фигуры любимых авторов.

Он смеётся, наивен и нежен,
И восторженный шепчет мотив...
Я повержен, разбит, обезврежен —
Чувство юной души ошутив!

(Владимир Пасека)

Мы встречались с тобой на закате.
Ты веслом рассекала залив.
Я любил твоё белое платье,
Утончённость мечты разлюбив.

(Александр Блок)

Косвенным признаком поэтической инерции становятся банальные, истертые, бедные рифмы («души — глуши», «чуть — глушь», «аллей — полей», «равнины — рябины», «бобры — костры», «небеса — глаза», «печи — речи», «могилы — силы», «лопухов — грехов»).

Создается впечатление, что писатель не ищет новых сюжетов. Образы кочуют из стихотворения в стихотворение. Стихи о деревне, о сельской куртуазной любви, могилках отца и матери, стариках и пращурах, деревенских недопегах, баянистах — вот джентльменский набор тем.

Благоразумие предостерегает поэта от чужеродных сюжетов. Он таит горе и боль, глубины прячет за фасадом литературной традиции. Подлинные черты живых людей в стихах Пасеки обрамляют пустоты литературных банальностей, взятые напрокат из песенной культуры.

Автор прекрасно знает, какие стихи заставляют плакать женщин и хмуриться мужчин, и воспроизводит образцы немудрящей эстетики жестокого романа. Вероятно, это и есть подлинная мудрость — писать так, как того требует аудитория.

Константин Гришин